

Я вертел единственный силуэт в этом чёрном пространстве, пытался отдалиться и посмотреть издали. Мысленно искал ещё одну фигуру, но не нашёл ничего. Там будто ничего никогда не было. Единственный силуэт, тот, что я не замыкал. Лишь он единственный витал в этой тьме.

Вынырнул и ещё раз осмотрел себя. Тело осталось таким же, как после изменений. Сегодня или вчера, я не знаю, сколько я провалялся в отключке, я самостоятельно активировал усиленный слух. Я пытался нащупать созданную кнопку и та резво отозвалась на мою команду. Нажал и посмотрел на циферблат настенных часов. Стрелки замедлили своё движение. Как и должно быть при активации.

Я схватился за нижнюю железную трубку кушетки и сжал. От трубки пошла еле видная красная дымка и та сжалась без какого-либо сопротивления. В это время та красная дымка впилась в руку и пошла дальше, охватывая всё большую площадь, пока полностью не покрыла организм. В голове моментально появились характеристики металла, из которого и была создана эта трубка.

И во внутреннем мире, рядом с основным силуэтом появился ещё один, имеющий характерный металлический блеск, но уже с самого начала затемнённый и с замком. Решился убрать замок, но на полпути застыл и прикрыл уже начинавший открываться замочек. В эту же секунду дверь в палату открылась.

Двухметровая и в ширину и в длину машина, облачённая в медицинский халат быстро зашла внутрь, не спуская с меня взгляда бирюзовых глаз. Халат, сшитый явно под заказ, быстро метнулся назад от больших и быстрых шагов мужика. По внешности быть ему азиатом, но под это определение попадали только прищуренные глаза. И когда он подошёл к приборам, совершенно забив на меня, и что-то чиркнул в блокноте, решил всё же вновь посмотреть на меня.

— Так, переутомление, гематомы на спине, тонны пыли в лёгких и пациент просыпается через семь часов, — не отводя от меня взгляда и перечисляя мои болячки, сказал своим на удивление высоким голосом мужик. — Спиной.

— А?

— Спиной повернитесь, — очухался и повернулся. — От множественных гематом остались лишь небольшие синяки. Вдохните полной грудью. — Вдохнул. — Чувствуете, что что-то мешает дышать?

— Да нет... вроде...

— Пыли в лёгких, видимо, нет, либо осталось очень мало, — вычеркнул ещё что-то из блокнота врач. — Как думаете, сможете сейчас попрыгать или показать хоть какую-то активность?

Медленно опустил ноги на пол и попрыгал на месте под пристальным взглядом врача.

— Чувствуете усталость? Утомление? Скованность в движениях?

— Нет, — уже полностью оклемался и физически и, надеюсь, морально, нормально отвечая врачу.

— Значит все симптомы, кроме оставшихся мелких ушибов ушли за неполные семь часов, — вычеркнул, как мне показалось, последнюю написанную строчку врач. — Так и запишем, бред полный и мой недосып сложились и возвелись в квадрат, ложитесь на кровать и меня до утра

не беспокойте.

Так же быстро выпорхнул из палаты врач и мягко прикрыл дверь.

Став на несколько секунд роботом, выполнив все указания и лёг в кровать, прикрывшись малюсенькой простынкой, оставившей мои пятки на радость ночным монстрам.

Странный сон, лучше лечь спать. Правильно дядька сказал, бред полный.

*

*

*

Открыл глаза и осмотрел неизменную палату. Время на часиках показывало ровно девять часов утра. Словно застыв в дне сурка, чуть откинул простынку, посмотрел на себя, удостоверился в нормальном состоянии тела. Посмотрел на капельницу, тыкнул на кнопку вызова персонала.

Дядька вернулся, но уже посвежее. Так же резво проверил приборы, попросил повернуться спиной, подышать, попрыгать, вновь повывчёркивал что-то из блокнота. Быстрый спуск на первый этаж, подпись одной бумажки, уведомление родителей, и вот я уже стою на пороге больницы, до сих пор не понимая, как всё это произошло.

— Ну... и ладно? — задал сам себе вопрос и стал дожидаться, пока за мной приедет мать. Заприметил лавочку и усевшись поудобнее, заглянул в себя и увидел два силуэта, один из которых был под замком. Вынырнул и посмотрел по сторонам. Людей много, но я ведь не загорюсь или подобное, правильно? Там же всё как бы внутри происходит?

Открыл замочек и мгновенно оказался на земле. Ногами и руками вверх, провалившись задницей на землю из-за сломавшихся досок на лавочке. Осмотрел нормального цвета руки и кое-как выбравшись, посмотрел уже на лавочку. Доски там, где была моя пятая точка, сломались пополам, а железные прутья чуть погнулись.

— Какого хера? Что не так с этой блядской лавочкой? — задал вопрос в воздух, приседая и смотря на поломанные доски, понимая, что проходящие люди меня прекрасно слышат.

Я ведь не тупой, понимаю, что изначально сидел нормально и ничего ломаться не планировало, но стоило только открыть замок, как сей сиделка сломалась. И какого, собственно, хрена? Сжал кулак и мельком заметил проскочившую красную искру. Дернулся и сжал ещё раз, только в этот раз никакой искры не было.

Пошёл к другой лавочке и присел там, где находились железные прутья. Сразу появилось ощущение спуска, поэтому чуть приподнялся и увидел трещины на доске, куда только что сел и заглянув под лавочку, заметил чуть продавленную железку.

— Итак, вопрос. Сколько я теперь вешу? — шепотом пробормотал.

Отходить далеко от больницы чревато, ведь телефона у меня с собой нет и мама не дозвонится. В итоге ей придётся сидеть и ждать. Будет ждать — опоздание на работе, опоздание на работе — выговор или штраф, штраф — меньше денег, меньше денег — нам не надо. Простая логика. Вновь закрыл на замок второй силуэт, что стал словно поближе к

основному, но списал это на мою дырявую память.

Мама приехала через пятнадцать минут и увидела меня, сидящего на лавочке, но уже целой и дико требовавшего жрать. Я, во-первых, не ел со вчерашнего дня, во-вторых стоило отрубить второй силуэт, как жрать захотелось в сто раз сильнее. Домой, поесть, а потом можно на тесты.

— Юджин, как тебя угораздило? — первый вопрос, заданный матерью, когда я подошёл к тачке.

— Людей спасал, — пожал плечами.

— Без тебя бы не спаслись? — стала чуть серьёзной мама.

— Увы, они были прямо под обломками и стояли с тупыми рожами, — развёл руками, садясь на заднее сидение. — Не помог бы — раздавило бы прям там.

— Ха-а, — вздохнула мама, ставшая в раз чуть старше, чем раньше. — Ты же понимаешь, что жизнь тех спасённых людей мне сердце не согреет. А вот если ты бы не оклемался, то... думаю, ты и сам понимаешь.

— Но обошлось ведь, — немного не понимал причину её беспокойства.

— Да, обошлось. Могло ведь не обойтись? Пойми, не всегда тебе будет везти, как сейчас, — голос чуть дрогнул, — понимаешь, жизнь одна и второй попытки не дано. Вы с Джесси единственное, что у меня есть. Я живу ради вас, я стараюсь, чтобы у вас было всё. И пойми, я не хочу потерять одного дурака, у которого дурь в голову ударила и тот решил побыть героем.

Мама хлюпнула носом, а отражение в зеркале показало льющиеся из глаз слёзы.

— Эй, ты чего, всё ведь хорошо.

— А могло быть не хорошо! — вскрикнула мать. — Ты вообще понимаешь, как я волновалась? Я тебя когда увидела, у меня сердце льдом покрылось! А диагнозы?! Ты вообще не должен был из палаты выходить минимум недели две! Знаешь, как мне тяжело было?! Не знаешь, потому что тебе плевать! Ты ведь даже не подумал о нас, когда спасал тех людей?

— Я...

— Не надо отговорок, я и так знаю. — мама вытерла слёзы салфеткой, оставив на нём черные разводы от потёкшей туши. — Знаешь, мне страшно потерять кого-то из вас. И если Джесси ещё не в том возрасте, ей многое простительно. Но ты уже взрослый и должен отдавать отчёт своим действиям. Я бы просто не пережила твою потерю.

— Эй, ну всё, успокойся, — взял ещё одну салфетку, не заметив уже свои слёзы, каплями падающие на штаны.

Я вытер слёзы мамы и сжал ту, не в силах сдерживать гнетущее изнутри чувство боли.

— Сам подотрись, выглядишь как пятиклашка, — хлюпнула носом и усмехнулась мама.

— А... — посмотрел в зеркало и увидел такие же слёзы. — Ничего я не пятиклашка. Я в следующем году школу оканчиваю.

Симулируя, надул щёки и скрестил руки, отчего мама засмеялась, а гнетущая атмосфера чуть

спала, но не спешила уходить до конца.

— И вообще, могла меня похвалить! — поднял указательный палец вверх. — Я ведь людей спас! Сам!

— Ага, большой молодец, только в следующий раз лучше вообще не лезь никуда или сперва подумай о том, каково будет мне видеть тебя переломанного в больнице. Просто помни, Юджин, моё сердце не каменное, оно может треснуть так же легко, как хрустальная ваза, если на неё неправильно посмотреть.

— Запомню и прости, такого больше не повторится, — опустил голову, сжимая колено до хруста костяшек. — Я точно это запомню...

П.а — проходная глава, даже мини глава с небольшим юморком и ситуацией, с которой никогда не сталкивался оригинальный Питер, пряча свою личность и не имея стеклянного сердца любящей матери, готового разбиться в осколки из-за своего ребёнка.

Пишите комментарии, как вам работа, всё-таки интересно почитать, как вам история, что только начинает разгоняться. Пишите предположения о силе Юджина. Приятно видеть отдачу и понимать, нравятся ли вам это произведение или нет.)

<http://tl.rulate.ru/book/78836/2387759>